

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТЯ	7
СОНРЕТНЫЕ	79
АВАРОН	103
БАНКЕТ	135
ДЕНЬ РУССКОГО ЕДОКА	159
Ю	213
ЛОШАДИНЫЙ СУП	253
ЗЕРКАЛО	327
ПЕПЕЛ	355
МАШИНА	397
МОЯ ТРАПЕЗА	425
ЖРАТЬ!	435
САХАРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	471

• НАСТЯ •

Серо-голубое затишье перед рассветом, медленная лодка на тяжелом зеркале Денеж-озера, изумрудные каверны в кустах можжевельника, угрожающе ползущих к белой отмоине плеса.

Настя повернула медную ручку балконной двери, толкнула. Толстое стекло поплыло вправо, дробя пейзаж торцевыми косыми гранями, беспощадно разрезая лодку на двенадцать частей. Влажная лавина утреннего воздуха хлынула, объяла, бесстыдно затекла под сорочку.

Настя жадно потянула ноздрями и шагнула на балкон.

Теплые ступни узнали прохладное дерево, доски благодарно скрипнули. Настины руки легли на облупившиеся перила, глаза до слез всосали замерший мир: левый и правый флигеля усадьбы, молочную зелень сада, строгость липовой

аллеи, рафинад церкви на пригорке, прилегшую на траву иву, скирду скошенного газона.

Настя повела широкими худыми плечами, тряхнула распущенными волосами и со стоном потянулась, вслушиваясь просыпающимся телом в хруст позвонков:

— Э-а-а-а-а...

За озером медленно сверкнула искра, влажный мир качнулся и стал разворачиваться к неизбежному солнцу.

— Я люблю тебя! — прошептала Настя первым лучам, повернулась и вошла в свою спальню.

Красный комод хмуро глядел замочными скважинами, подушка широко, по-бабьи улыбалась, свечной огарок немо вопил оплавленным ртом, с переплета французской книги победоносно ухмылялся Картуш.

Настя села за свой маленький столик, открыла дневник, взяла стеклянную ручку с фиолетовым коготком пера, обмакнула в чернильницу и стала смотреть, как рука выводит на желтой бумаге:

6 августа.

Мне шестнадцать лет. Мне, Настасье Саблиной! Воистину странно, что я не удивляюсь этому. Отчего же? Хорошо ли это или дурно? Наверное, я еще сплю, хотя солнце уже встало и озарило все вокруг. Сегодня — самый важный день в мо-

ей жизни. Как я проведу его? Запомню ли я его? Надобно запомнить все до мелочей, каждую капельку, каждый листочек, каждую свою мысль. Надобно думать хорошо. *Рара* говорит, что добрые мысли озаряют нашу душу, как солнце. Пусть же сегодня в моей душе светит мое солнце! Солнце Самого Важного Дня. А я буду радостной и внимательной. Вчера вечером приехал Лев Ильич, и после ужина я с ним и с *рара* сидела в большой беседке. *Рара* с ним опять спорил про Nietzsche, что надобно преодолеть в своей душе самого себя. Сегодня я должна это сделать. Хотя я и не читала Nietzsche. Я еще очень мало знаю о мире, но я очень люблю его. И люблю людей, хотя многие из них выказывают скуку. Но скучных же тоже надобно любить? Я счастлива, что *рара* и *татап* не скучные люди. И я счастлива, что наступил День, который мы так долго ждали!

Солнечный луч тронул кончик стеклянной ручки, она вспыхнула напряженной радугой.

Настя закрыла дневник и снова потянулась — сладостно, мучительно, закинув руки за голову. Скрипнула дверь, и мягкие руки матери сомкнулись вокруг ее запястий.

— Ах ты, ранняя пташка...

— Матап... — Настя запрокинула голову назад, увидела перевернутое лицо матери, обняла.

Неузнаваемое зубастое лицо нависло, тесня лепных амуров потолка:

— Ma fillette. Tu as bien dormi?

— Certainement, maman.

Они замерли, обнявшись.

— Я видела тебя во сне, — произнесла мать, отстраняясь и садясь на кровать.

— И что же я делала?

— Ты много смеялась. — Мать с удовольствием смотрела на струящиеся в узком луче волосы дочери.

— Это глупо? — Настя встала, подошла — тонкая, стройная, в полупрозрачной ночной сорочке.

— Отчего же смеяться — глупо? Смех — это радость. Присядь, ангел мой. У меня что-то есть для тебя.

Настя села рядом с матерью. Они были одинаковые ростом, похожи сложением, в однотонных голубых сорочках. Только плечи и лица были разные.

В тонких пальцах матери раскрылся футляр малинового бархата, сверкнуло бриллиантовое сердечко, тонкая золотая цепочка легла на Настины ключицы:

— C'est pour toi.

— Maman!

Настя склонилась, взяла сердечко, волосы хлынули вокруг лица, бриллиант грозно сверкнул голубым и белым.

Дочь поцеловала мать в нестарую щеку.

— Мамап.

Солнечный свет впился в зеленые глаза матери, она осторожно раздвинула каштановый занавес Настиных волос: дочь держала бриллиант возле губ.

— Я хочу, чтобы ты поняла, какой день сегодня.

— Я уже поняла, мамап.

Мать гладила ее голову.

— Мне к лицу? — Настя выпрямилась, выставив вперед юную крепкую грудь.

— Parfait!

Дочь подошла к трехстворчатому зеркалу, островерхо растущему из цветастой мишуры подзеркального столика. Четыре Насти посмотрели друг на друга:

— Ах, как славно...

— Твое навечно. От нас с *rara*.

— Чудесно... А что *rara*? Еще спит?

— Сегодня все проснулись рано.

— Я тоже! Ах, как это славно...

Мать взяла стоящий возле подсвечника колокольчик, позвонила. Небыстро послышалось за дверью нарастающее шарканье, и вошла полная большая няня.

— Няня! — Настя подбежала, бросилась на дебетую грудь.

Прохладное тесто няниных рук сомкнулось вокруг Насти.

— Золотце мое, сирибро! — Колыхаясь, дрожа, словно собираясь заплакать, няня быстро-быстро

целовала голову девушки большими холодными губами.

— Няня! Мне шестнадцать! Уже шестнадцать!

— Хосподи, золотце мое, хосподи, сирибро мое!
Мать с наслаждением смотрела на них.

— Совсем не так давно ты ее пеленала.

Туша няни сотрясалась, громко дыша.

— Токмо вчерась, хосподи! Токмо вчерась, Царица Нябесная!

Настя ожесточенно вывернулась, оттолкнулась от квашни няниного живота.

— Взгляни! Правда, прелесть что такое?

Еще не разглядев бриллианта слезящимися заплывшими глазами, няня тяжело всплеснула увесистыми ладонями:

— Хосподи!

Изнывая от сдержанной радости, мать качнулась к двери:

— Настенька, мы завтракаем на веранде.

Обмыв Настино тело смоченной лавандовой водою губкой, няня растерла ее влажным и сухим полотенцами, одела и стала заплетать косу.

— Няня, а ты помнишь свое шестнадцатилетие? — Непокорно склонив голову, Настя следила за ползущим по полу рыжим муравьем.

— Хосподи, да я уж тады на сносях была!

— Так рано? А, ну да! Тебя же в пятнадцать со сватали.

— То-то ж и оно, золотце мое. А к заговенью-то на Рожство и родила Гришу. Да токмо он, сярдешнай, от ушницы помёр. Потом Васятка был, опо-ся Химушка. К двадцати-то годам у мене один бе-гал, другой в люльке кричал, третий в животе си-дел. Во как!

Опухшие белые пальцы няни мелькали в каштаново-золотистом водопаде волос: тяже-лая коса неумолимо росла.

— А я никого не родила. — Настя наступила кон-чиком парусиновой туфельки на муравья.

— Хосподи, о чем тужить-то, золотце мое! — ко-лыхнулась няня. — Тебе ли красоту на семя пу-щать? Ты на другое сподоблена.

Коса мертвым питоном вытягивалась между лопаток.

На белой веранде задушенно похрипывал осле-пительный самовар, наглый плющ лез в распах-нутые окна, новый лакей Павлушка гремел по-судой. Отец, мать и Лев Ильич сидели за столом.

Настя вбежала:

— Good morning!

— А-а-а! Именинница! — Нескладный, углова-тый, как поломанный шезлонг, Лев Ильич при-нялся вставать.

— Попрыгунья, — подмигнул жующий отец.

Настя поцеловала его в просвет между чер-ной бородой и крепким носом:

— Спасибо, *rara!*

— Покажись, русская красавица.

Она вмиг отпрянула, встала в первую позицию, развела руками: летнее оливковое платье с вышивкой, голые плечи, бисерная лента вокруг головы, вспыхивающий бриллиант на средосте-
нии длинных ключиц.

— *Voilà!*

— Леди Макбет Мценского уезда! — белозубо за-
смеялся отец.

— Сережа, бог с тобой! — махнула салфеткой
мать.

— Хотя сейчас под венец! — стоял, держа перед
собой длиннющие руки, Лев Ильич.

— Типун, брат, тебе на язык! — Отец подцепил
вилкой алый пласт семги, шлепнул себе в та-
релку.

— Давеча, Настенька, когда мы про Усача гово-
рили, я едва удержался, чтоб не вручить вам, —
полез во внутренний карман узкого пиджака Лев
Ильич. — И слава богу, что не поспешил!

— Поспешишь — людей насмешишь! — Отец
принялся лихо кромсать семгу.

Лев Ильич протянул Насте костлявый кулак,
раскрыл. На смуглой, сухой и плоской, как дере-
вяшка, ладони лежала золотая брошь, составлен-
ная из латинских букв.

— “*Transcendere!*” — прочитала Настя. — А что
это?

— “Преступи пределы!” — перевел Лев Ильич.

— Ну, брат! — Отец замер с вилкой у рта, покачал крутолобой головой. — А меня упрекаешь в буквальном понимании!

— Позвольте, Настенька, я вам уж и пришпилю... — Лев Ильич, как богомол, угрожающе занес руки.

Настя приблизилась, отвернув голову и глядя в окно на двух белобрысых близнецов, детей кухарки, идущих по воду с одним коромыслом и пятью ведрами. “Зачем им одно коромысло?” — подумала она. Прокуренные пальцы с огромными толстыми ногтями зашевелились у нее на груди.

— День рождения, конечно, не именины... но, коли уж Сергей Аркадьевич — поборник прогресса...

— Вот испорти только мне аппетит! — сочно жевал отец.

“Как же пять ведер повесить на одно коромысло? Странно...”

— Ну вот... — Лев Ильич опустил руки и, шурясь, резко отклонился назад, словно собираясь со всего маха ударить Настю своей маленькой головой. — А вам к лицу.

— Мегсі, — быстро присела Настя.

— Вполне сочетаются. — Мать смотрела на бриллиант и на брошь.

— Вот отец Андрей ка-а-к возьмет да ка-а-к подарит Настасье Сергеевне еще какой-нибудь віжоц, вот тогда ка-а-к станет наша Настасья Сергеевна елкою рождественской! — разрезая теплую булку, подмигнул отец дочери.